

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

О возвеличенных и «начинающих»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2359555

Аннотация

«Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня: рабочих, старых товарищей большевиков, комсомольцев, литераторов, учёных, рабкоров, селькоров и прочих людей, родных мне по духу, по работе. Особенными и необыкновенными словами хотел бы поблагодарить детей-школьников, но таких слов не могу найти. Скажу просто: спасибо вам, ребята, спасибо! Знаю, что из вас вырастут сотни людей, более значительных, чем я...»

Максим Горький

О возвеличенных и «начинающих»

Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня: рабочих, старых товарищей большевиков, комсомольцев, литераторов, учёных, рабкоров, селькоров и прочих людей, родных мне по духу, по работе. Особенными и необыкновенными словами хотел бы поблагодарить детей-школьников, но таких слов не могу найти. Скажу просто: спасибо вам, ребята, спасибо! Знаю, что из вас вырастут сотни людей, более значительных, чем я.

В эти дни мной получено более двухсот телеграмм и, вероятно, столько же писем. Это – много, и этого я, конечно, не ожидал. Горжусь тем, что рабочий народ, партия коммунистов и советская интеллигенция признают работу мою полезной. Это «омолаживает». Некоторые поздравители именуют меня «великим». Не сомневаюсь, что это – искренно, но должен сказать, что это – лишнее слово в песне. Я – человек совершенно нормального роста и никакого величия в фигуре моей не чувствую. Могу, пожалуй, признать, что я неплохой работник, потому что люблю свой и всякий труд. Но и в этом я – человек, каких не мало есть, много растёт и каким должен быть всякий рабочий. Чин рабочего считаю

высоким чином, выше его только чин «научного работника».

Писатель я тоже не «великий», а такой, каким должен быть каждый из начинающих писателей в наши дни. Сейчас ещё рано говорить о великих художниках слова. Они были в прошлом, у них молодёжь должна учиться; я совершенно убеждён, что рабоче-крестьянская масса создаст и выдвинет их в близком будущем, а до того можно говорить только о хороших и плохих литераторах.

Я вообще не боязлив, но «величие» пугает меня. Старый воробей, я хорошо знаю вкус мякины и к тому же не мало видел и вижу людей, склонных величаться. Склонность – пагубная для величаемого и величающегося и, разумеется, очень неприятная для тех, кто окружает его. Боюсь, что чрезмерность похвал заразит и меня этой болезнью, а она разовьётся до «мании величия», после чего меня посадят в дом умалишённых. Хорошенький конец «карьеры»!

Наверное, эта воркотня кое-кого рассмешит, и многие заподозрят меня в рисовке, в неискренности. Пускай смеются и пусть подозревают в чём хотят, но – выслушают.

Я получаю десятки писем от рабселькоров, от провинциальных литкружков, от «начинающих» писателей. Они единогласно требуют: «Поделитесь вашим опытом, научите писать художественно». Они имеют законнейшее право требовать от старого писателя ознакомления их с техникой работы. К сожалению, я не умею учить, а могу только расска-

зять, как сам учился, о чём – в скором времени – и расскажу молодёжи. Серьёзность её требований неоспорима, об этом лучше всего говорит сознание молодыми литераторами своей технической слабости, сознание ими трудности и важности дела, за которое они хотят взяться. Людям этим есть что сказать, они – люди «нового опыта», люди, для которых многое из проклятой мещанской старинки уже непонятно, а кое-что уже органически чуждо и враждебно. Не удовлетворяясь писанием корреспонденции и заметок в газеты, «чёрной» работой обличения дрянненьких житейских мелочишек, молодёжь инстинктивно понимает необходимость осветить именно «художественным» словом засорённую почву, на которой произрастает бытовая дрянь и плесень. Однако из этого не следует, что они уклоняются от «чёрной» газетной работы, что им непонятна важность этой работы.

«Вы, товарищ, назвали нас «ассенизаторами», – пишет мне один из рабкоров. – Словечко как будто обидное, но, подумав, понимаешь: правильно. Мы – чернорабочие, новые мётлы, которые обязаны чисто вымести из жизни всё плохое. Конечно, на этом деле быстро ошаркаешься, отреплешься, да, но – всё-таки делать его надобно.»

Другой сообщает:

«Ясно, что ногтями коросту грязи не соскребёшь, тут требуются горячий пар и кипяток, тут надобно действовать, как Щедрин. Недавно прочёл я две его книги, изд. Госиздата; эх, думаю, вот бы так научиться писать, хотя у него не всё по-

нятно и язык тяжёлый, а история города Глупова и сказки – замечательно написано.»

Третьему рекомендовали учиться писать у Неверова, и он совершенно правильно говорит:

«По-моему, этот писатель вялый и скушный, учиться у него нечему, всё известно, и факты и язык тоже. Мне больше нравится Сергей Семенов и Мамин-Сибиряк, особенно этот, у него книга – как яичко, вред капитализма он понимает насквозь, и красоты достаточно.»

Таких мнений я мог бы привести не три, а десятки, и все они говорят о том, что рабоче-крестьянская масса – как и следовало ожидать – выдвигает из среды своей интеллектуальную силу, которая через десяток лет должна будет взять в свои руки прессу и литературу Союза Советов.

Мне хорошо известно, что среди «начинающих» есть недоумки; они полагают, что уже достаточно учёны и даже гениальны; есть ребята, ошибочно думающие, что «сочинительство» – лёгкий труд; есть уже больные «графоманией»; есть, наконец, парни, которые пишут только красными чернилами, и притом такое:

«Вы разрушили мою знаменитую формулу: все люди – свиньи.»

Или пишут:

«Вы говорите, что я плохо наблюдаю. О, как я ненавижу этого Тургенева! Он «изволил» тратить своё время на изучение природы.»

Или:

«Я знаю, что неуч, но боюсь заразиться буржуазной культурой.»

Есть уже ребята, заявляющие, что могли бы «несколько исправить теорию относительности Эйнштейна», «внести в физическую науку выпрямляющие линии», и вообще есть немало скороспелых учёных, философов и различных пустобрёхов. Большинство их – осколки «общества», разрушенного революцией; человек, который боится «буржуазной» культуры, – сын кожевенного заводчика, поправки к теории Эйнштейна желает внести сын банковского чиновника и т. д. Уродцы такого типа всегда были, основным их качеством является желание поскорее выскочить вперёд, быть заметными во что бы то ни стало. Они, на мой взгляд, не характерны для общей массы тех ребят, которые, по примеру одного философа древности, требуют:

«Бей, но выучи!»

Эти люди заслуживают глубочайшего внимания и всяческой помощи, ибо, повторяю, они – интеллектуальная сила трудового народа, будущие «хорошие» журналисты, писатели, люди революционно-культурного дела и оплот против вновь начинающих квакать лягушек и жаб мещанства.

Бить их – бьют охотно, но учат – плохо и почти всегда – жестоко. Это – один порядок моих впечатлений.

Другой – таков:

Литератор, немолодой, признанный и достаточно возве-

личный, обиженно пишет другому литератору:

«Вы рекомендуете какого-то...»

Книгу «какого-то» писатель не читал и, очевидно, не знает, что о ней были опубликованы положительные отзывы рабочих. Думать надо, что отзывы эти печатались не по соображениям издательским, рекламным. Не читал, но уже с высоты своего величия пренебрежительно именуется незнакомому ему «начинающего» – «каким-то».

Факт – ничтожный, будь он единичным. Но, к сожалению, факты этого сорта многочисленны. В них совершенно определённо чувствуется аристократическое отношение признанных и возвеличенных к «начинающим». Лично я считаю этот «аристократизм» мещанством и подозреваю в нём замену литературной совести профессиональной завистью. Чувствуется тут и явное самомнение обласканного мещанина и даже, может быть, его страшок не удержаться на позиции, куда его поставили неосторожные и торопливые критики, убеждённые, что это именно они фабрикуют талантливых и «гениальных» литераторов. Не находя другого слова, я называю «литературной совестью» чувство удовлетворения, возникающее каждый раз, когда масса трудящихся родит и выдвигает ещё одного младенца с признаками таланта в той или иной области труда.

Этого удовлетворения, этой радости о том, что «нашего полку прибыло», я не замечаю в отношении ославленных писателей к «начинающим». Мне кажется, что – как всякий

труд в Союзе Советов – литература должна быть тоже трудом коллективным, дружеским, трудом, для успешности которого необходима взаимная, товарищеская поддержка трудящихся.

Почтенные «собратья по перу», на мой взгляд, слишком быстро упиваются славой и слишком густо подчёркивают величие своих «я». К сведению «начинающих» должен сказать, что слава – жидкость мутного цвета, кисловатого вкуса и что в большом количестве она действует на слабые головы плохо, вызывая у принимающих её тяжёлое опьянение, подобное «пивному». Принимать эту микстуру следует осторожно, не более одной чайной ложки в год; усиленные дозы вызывают ожирение сердца, опухоли чванства, заносчивости, сомнения, нетерпимости и вообще всякие болезненные уродства.

«Без драки не проживёшь», – говорил В. И. Ленин. Он всегда говорил то, «что надо», – прекрасная привычка была у него!

«Мы не отрицаем наследства», – сказал он лет тридцать пять тому назад и всю жизнь своей, всю свою работой доказал, что действительно не отрицает ничего ценного в буржуазной культуре. Мне кажется, что самым ценным в ней он считал технику, «мастерство» во всех областях труда и в области литературы тоже.

Да, «без драки не проживёшь». Поэтому разногласия, су-

существующие между литературными группами, вполне естественны. Они были бы гораздо более поучительны и полезны, если б «признанные таланты» и литературные пастыри не заостряли их своими самолюбиями, своим чванством и не вносили в них тот страшок потерять свои позиции, о котором я говорил выше. Известно, что «тон делает музыку». Представители отдельных литературных групп ведут прения между собою в тоне, не достойном товарищей, людей, которые делают единое, коллективное дело. Если бы литературные споры велись в тоне, более строгом идеологически, более серьёзно и спокойно, менее форсисто и без грубых личных выпадов, – провинциальные литературные кружки не писали бы таких вот справедливых заявлений:

«Одним из препятствий к нашей учёбе является резкая борьба литературных групп и направлений. Очень трудно писать да ещё учиться писать в непрерывных драках и подсиживаниях.»

Таких жалоб я знаю много, и все они определённо говорят, что благодаря тону спора смысл его молодёжи не ясен, а вот взаимное «подсиживание» молодёжь отлично чувствует. И это – естественно, потому что личное начало в спорах звучит слишком ясно и настолько противно, что один рабкор пишет прямо: «... честной пролетарской душе хорошо слышен в этом шуме базар, торговлишка».

Если мы действительно хотим создать новые, более «человечные» взаимоотношения среди людей, мы, очевидно,

должны начать создание «новой культуры» в своей среде. Новая культура начинается с уважения к трудовому человеку, с уважения к труду.

Не всякая ошибка и обмолвка уже ересь. Но вот, цитированные Бухариным, стихи Маяковского:

И когда мне говорят, что труд ещё и ещё,
Будто хрен натирают на заржавленной тёрке,
Я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
«А вы прикупаете к пятёрке?»

Вот это действительно злейшая ересь, потому что это – мещанский анархизм. А когда Безыменский мечет деревянные молнии в человека и говорит ему:

Ты, братец, грома не достоин
И не достоин кулака...

– это, на мой взгляд, хулиганство.